Моск. правда. — 2005 — 23 нояб. — с.6

Неотоваренный выигрышный билет

При полупустых (а то и на три четверти пустующих) залах Кишиневский государственный русский театр им. А. П. Чехова показал в Москве свои лучшие работы.

ПРЕДЫСТОРИЯ гастрольной поездки такова. Два года назад, побывав в столице Молдавии, мэр Москвы Юрий Лужков, как пишет «Парламентская газета», «был немало восхищен игрой тамошних артистов». Надо полагать, с этим (во всяком случае отчасти) связано и то, что для постановки «Горя от ума» в Кишинев приезжал худрук московского «Театра на Перовской» Кирилл Панченко, и то, что для недельных гастролей в российской столице были выделены две сцены - театров «Эрмитаж» и им. Ермоловой.

Гастрольная афиша состояла из шести спектаклей. Посмотреть все, признаюсь, не успел. А если признаваться уж совсем начистоту, то все и не хотелось: современные постановки грибоедовского «Горя от ума» и шекспировского «Короля Лира» так часто и так сильно огорчали (последний раз в исполнении Ярославского театра им. Волкова), что решил себя поберечь. А вот две пьесы более современные (не по содержанию, а по времени написания) в постановке кишиневцев видел и намерен поделиться впечатлениями. Если эти заметки огорчат гастролеров, прошу прощения. Дело тут не только в том, что у меня вполне может быть мнение, отличное от мэрского. Просто я счел, что не вправе унизить артистов грубой комплиментарностью.

СПЕКТАКЛЬ «Я очень люблю тебя, мама!» поставлен по пьесе Н. Птушкиной, которая нынче едва ли не самая популярная у нас в стране, даже и кинофильм есть - «Приходи на меня посмотреть». Причем идут спектакли под самыми разными названиями. Кишиневское абсолютно соответствует кишиневской же версии: эта самая мама (Софью Ивановну играет худрук театра Нелли Каменева) - главный персонаж, что, по-моему, не вполне логично. Эгоистичная до крайности, властолюбивая до сладострастия, лицемерная до совершенного ханжества, эта мама потихоньку пьет - нет, не кровь - жизнь своей дочери. По сути дела, как можно понять, испортила ей жизнь. Наверное, каждый из нас видывал таких мам или слыхивал о них - своеобразно любящих, а в то же время искренне любимых. Н. Каменева явно переборщила, пытаясь показать, как внезапно меняется ее персонаж, становясь чуть ли не ангелом. Жаль, что я не Станиславский, а то непременно закричал бы на весь зал: «Не верю!».

Пьеса, кстати сказать, распадается, как показалось, надвое. Первый акт чудо как хорошо написан. Квартира, наполненная безнадежностью и тоской, где каждый вечер пятидесятилетняя дочь читает маме Диккенса, а та устает слушать всякий раз на 162-й странице... И вот по ошибке (ах, эта вечная путаница с домами под одним номером, но с разными буквенными индексами!) в дверь звонит похожий мужчина. Хотел попасть к своей молоденькой подружке «кисе-зайке-ежику», а получилось, что ворвался в чужую жизнь. Этот первый акт был бы вполне достоин пера, скажем, Мюллера или Брагинского. И не в ситуации, конечно, дело - в тексте: тонком, душевном, человечном, пронизанном мягким юмором.

А второе и третье действия - увы. Ситуации - надуманные, повороты интриги - совсем уж нереальные, шутки - по преимуществу плоские. Как говорится, замах рублевый...

Между тем половина участвующих актеров - двое из четырех - играют превосходно. Как могут, Алла Самарцева и Михаил Миликов спасают и текст, и действие, и... горячо любимую маму, которая в одночасье становится еще и бабушкой. Впрочем, спасти удается только Софью Ивановну. Что же до исполнительницы роли «внучки» Ольги Мадан, то, скажем так, ей надобно отыскать еще много, очень много резервов, чтобы не выпадать из ткани спектакля.

НАСЧЕТ второго спектакля я ошибся еще до начала. Название пьесы А. Дударева - «Вечер» - показалось незнакомым, что навело на мысль о том, что она современная. Как бы не так! Пьесе уже лет двадцать, никак не меньше. Из колхозной жизни. Про умирающую деревню, в которой всего два одиноких старика и одна старуха. Что ж, и в таких обстоятельствах могут разыграться события шекспировского масштаба, почему бы нет! Да только драматургический материал настолько ничтожный и ходульный, что не совсем понятно, как его вообще можно было принять к постановке. Сразу после написания пьесы заставить мог, например, отдел культуры ЦК компартии - против власти не попрешь. Но нынче-то!..

Положительный старик (его играет Всеволод Гаврилов) - верующий, причем сущий язычник: поклоняется богу-солнцу, о чем беспрерывно рассуждает-миссионерствует.

Старуха (Людмила Колохина) - тоже положительная. Хотя попроще. О высоком не разглагольствует, в основном вспоминает. Потом положительные герои поженятся. Или просто съедутся в одну избу, что, вообще-то говоря, одно и то же.

Отрицательный старик (Владимир Кирюханцев) - тот еще пройда. «Идейный»: на кулаков и середняков доносил, в плен немцам сдавался, работать на земле не работал, питается шницелями в колхозной столовке, а ближе к концу еще и выигрывает в лотерею «Жигули». К слову, занятно, что, расходясь, зрители остаются в полном неведении относительно выигрышного билетика. Это «ружье» так и не выстрелило, хотя на этот счет Чехов, чье имя носит кишиневский театр, оставил строгие рекомендации...

Вот глубокие идейные споры двух восьмидесятилетних дедов в сущности и составляют весь спектакль. Плюс, конечно, быстротечная «любовная интрига»: в одно прекрасное утро к Ганне посватался «отрицательный», а она, тут же посоветовавшись с фотографией умершего мужа, вышла за «положительного». Ну а отрицательный в финале, уже живя в избе «молодой четы», помрет, так и не отовария, повторяю, счастливый билетик. Удивительно ли, что после антракта зрителей в зале стало еще меньше! Поверьте, я бы тоже ушел, но работа есть работа.

Справедливости ради следует отметить, что актеры опять-таки здорово играли. (Тут, попрошу заметить, у меня с Ю. Лужковым расхождений нет.) Не их вина, что играть им пришлось вздор и муть. Изо всех сил выгребают против течения - против текста, против сюжета, против антуража... Об антураже позвольте отдельно два слова. В первом акте на сцене стоит колодец, из которого с помощью «журавля» регулярно черпают воду. И представьте себе, как Мультик (это прозвище положительного старика) зачерпнет, так воды на полстакана, а как Ганна - так полнехонькое ведро. Потеха! Еще потрясла такая высокохудожественная деталь: оконная рама (уже во втором акте) прибита к... русской печи!

КОГДА организуют театральные гастроли, явно недостаточно одного желания латать дыры, образовавшиеся в ткани культурного пространства бывшего СССР, или воспринять впечатления большого начальника как приказ. Занимайся этим профессиональный импресарио, он бы наверняка попытался получить квалифицированные оценки театральных критиков, чтоб отобрать, что везти. Непременно спрогнозировал бы, сколько зрителей можно собрать на спектакль, а стало быть, и решить, нужны ли весьма просторные залы. Обязательно позаботился бы о рекламе, афишах, заблаговременно списался бы с редакциями... В нашем случае - ничего похожего.

Достаточно сказать, что в редакцию «МП» позвонили буквально за три дня до начала гастролей - газета едва поспела с анонсом к началу, день в день. Буклет вроде бы подготовили, но давать... не хотели. Причина? Плохой, говорят, получился и с ошибками. Еле-еле уговорил. Даже хорошими фотографиями не запаслись! Иллюстрирую эти заметки снимком, который некий безымянный фотограф-любитель сделал с помощью «мыльницы», - выбрал лучшее из предложенного.

Понимаю, что денег не хватало, времени не хватало, того, другого, третьего... Однако и в этих условиях молдавская сторона могла бы все устроить получше, тем паче эти гастроли - первые в Москве (если не считать кратковременных наездов на день-другой). Театру 68 лет. В таком солидном возрасте и первый блин следует жарить, чтоб был красивым и вкусным.

Леонид ГВОЗДЕВ.

На снимке: сцена из спектакля «Я очень люблю тебя, мама!». Софья Ивановна - Н. Каменева, Игорь - М. Миликов.